

Славянский мир: письменность и культура

Материалы XX международной научной конференции
(24 – 25 мая 2011 года)



УДК 008 + 821.161.1

ББК 83.3(2)

К 906

*Печатается по решению редакционно-
издательского совета СмолГУ*

Редакционная коллегия:

Г.Н. Ермоленко, д-р филол. наук, проф. (отв. редактор);

В.В. Ильин, д-р филол. наук, проф.;

Г.С. Меркин, д-р педагогич. наук, проф.;

И.А. Королева, д-р филол. наук, проф.;

Е.Ф. Троицкий, д-р филол. наук, проф.

Рецензент

О.С. Рябикова, кандидат педагогических наук, доцент

Славянский мир: письменность и культура: материалы
К 906 XX международной научной конференции 24 – 25 мая
2011 г. Смоленск: СмолГУ, 2012. Т. 13. 324 с.

ISBN 978-5-88018-288-6, 465-1

продолжающееся издание

Сборник статей содержит материалы международной научной конференции 2011 года. В работах российских, белорусских, украинских и польских филологов рассматриваются различные аспекты формирования и развития письменности и культуры славянского мира.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами славянской культуры.

УДК 008 + 821.161.1

ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-88018-288-6, 465-1

продолжающееся издание

© Изд-во СмолГУ, 2012

Содержание

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. ЖУРНАЛИСТИКА

Микрут Л. (Люблин, Польша) Мотив «чертовой лапы» на польско-русско-украинском культурном пограничье (на примере избранных произведений).....	5
Голованов И.А. (Челябинск) Проблема фольклоризации событий локальной и частной истории.....	17
Максимов А.В. (Смоленск) Былички и бывальщины о духах природы в смоленском фольклоре.....	28
Максимов А.В. (Смоленск) Былички и бывальщины о кладах в смоленском фольклоре.....	34
Балашова А.Ф. (Москва) Образ женщины в белом в быличках о начале войне	39
Бутеев Д.В. (Смоленск) Пьянство и отношение к нему смоленского этноса (по материалам Смоленского этнографического сборника В.Н. Добровольского).....	47
Кирияткина Т.М. (Смоленск) С.Ф. Шарапов: Основные этапы литературного творчества (к 100-летию со дня смерти).....	53
Сенькевич Т.В. (Брест, Беларусь) Художественная и историческая правда о событиях Семилетней войны в романе «Свидетель» Э. Скобелева.....	66
Скибицкая Л.В. (Брест, Беларусь) Историко-культурный контекст в структуре цикла «Надо терпеть: сюжеты белорусско-русского порубежья» О. Ждана.....	75
Новикова О.А. (Смоленск) А.Т. Твардовский и первое поколение писателей-почвенников.....	84
Ермоленко Г.Н. (Смоленск) Проблема идентичности в творчестве А.Н. Андреева.....	93
Семенова Т.А. (Смоленск) «Детское чтение для сердца и ума» Н.И. Новикова и П.И. Кобликова.....	99
Зайцев Н.Е. (Смоленск) Смоленский период журналистской деятельности А.Т. Твардовского.....	104
Ковалева В.С. (Смоленск) Журнал «Край Смоленский» в 1996-2000 годах.....	113
ЛИНГВИСТИКА	
Троицкий Е.Ф. (Смоленск) Подсистемы в системе сочинительной конструкции.....	120
Генкин В.М. (Витебск, Беларусь) Современная смоленская ойконимия: к проблеме разграничения универсального, ареального и регионального.....	128
Картавенко В.С. (Смоленск) Смоленский край, Смоленское княжество, Смоленщина.....	136
Родина Н.А. (Смоленск) Проблема классификации прозвищ.....	142
Курс К.Ю. (Смоленск) Классификация имен собственных в художественном тексте.....	148
Королева И.А., Дениченко Н.С. (Смоленск) Антропонимикон ранней лирики А.Т. Твардовского (1826-1940).....	153
Дениченко Н.С. (Смоленск) Топонимы раннего периода творчества А.Т. Твардовского функционально-семантический аспект.....	159

Деревяго А. Н. (Витебск, Беларусь) Национальная специфика номинации героя в поэтическом тексте В. Корткевича и А. Твардовского.....	166
Королькова В. А. (Смоленск) Языковая колористика лирических произведений Н. Рыленкова.....	174
Тарасов М. И. (Смоленск) Речь Н. С. Хрущева о Ю. А. Гагарине как образец эпидейктической речи.....	183

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СМОЛЕНСКОГО КРАЯ

Ильин В. В. (Смоленск) Основатель смоленского княжеского рода.....	192
Марков В. В. (Смоленск) Киевские князья Аскольд и Дир и первое упоминание Смоленска в Устюжном летописном своде.....	202
Купиш Д. (Люблин, Польша) Смоленская крепость в польской литературе первой половины XVII века.....	214
Аникеев В. М. (Смоленск) По прошению преосвященного Парфения.....	220
Захаров В. Е. (Смоленск) «Тело доведу - за душу не ручаюсь» (Старая Смоленская дорога перед Отечественной войной 1812 года).....	225
Никитина Н. В. (Смоленск) Деятельность городской думы по восстановлению Смоленска после Отечественной войны 1812 года.....	238
Летуновский Н. В. К вопросу об историческом опыте подготовки молодежи к защите Отечества в Смоленской области России.....	246

ПЕДАГОГИКА. МЕТОДИКА

Дудникова О. Г. (Смоленск) Программы и инструкции по воспитанию и обучению царских детей в Петровскую эпоху.....	256
Соловьева Ф. Е. Познание как гуманистическая ценность в системе литературного образования 5-8 классов.....	264
Кутузов Б. А. (Смоленск) Особенности использования средств педагогического стимулирования творческой самореализации старшеклассников.....	273
Пузырева Л. В. (Смоленск) К. Д. Ушинский и Г. Роков о преемственности педагогических идей.....	284
Рыжкова М. С. (Славянск, Украина) Школа рисования М. Д. Раевской-Ивановой - первое художественное учебное заведение на Левобережной Украине.....	293
Костерина Э. В. (Смоленск) Формирование лингвокультурологической компетенции военнослужащих при изучении русского языка как иностранного на основе литературы и историко-культурного материала краеведческого курса.....	299
Богданов В. В. (Смоленск) Опыт проведения историко-краеведческой конференции старшеклассников по истории Отечественной войны 1812 г.....	306
Боброва Е. А. (Смоленск) Особенности знакомства детей дошкольного возраста с фольклором.....	312
Дрягина В. Б., Устименко Ю. А. (Смоленск) Национальная традиция Смоленщины в воспитании студентов и школьников.....	318

**Пьянство и отношение к нему смоленского этноса
(по материалам Смоленского этнографического сборника
В. Н. Добровольского)**

Отношение к спиртному и к пьянству русского народа, роль и значение алкоголя в патриархальном жизненном укладе - тема, давно ставшая дискуссионной, волнующей и историков, и общественных деятелей. Несмотря на весьма длительную историю обсуждения, она и по сей день не утратила своей остроты и актуальности. Недавно, например, вышла в свет книга профессора МГИМО В.Р. Мединского «О русском пьянстве, лени и жестокости», автор которой делает попытку разрушить давно сложившиеся стереотипы о пристрастии русского этноса к алкоголю. В противовес этой точке зрения высказывается так же убедительно аргументированное мнение о том, что уже с XV-XVI вв. на Руси стала складываться неблагоприятная алкогольная ситуация, начал формироваться "северный" стиль употребления спиртных напитков - преимущественно крепких и единовременными большими дозами ("залпом", "единым духом"), приводящий к распространению алкоголизма среди населения, к высокой заболеваемости и смертности, обусловленным алкоголем (1). Окончательная ясность в рассмотрении вопроса, как видим, не внесена и по сей день.

В этой связи возрастает значение свидетельств очевидцев эпохи, их взглядов на устои патриархальной жизни русского крестьянина. В 1872 году в родовом имении Татево Бельского уезда Смоленской губернии поселяется покинувший по идеологическим причинам Московский университет профессор С.А. Рачинский. Он начинает здесь свою подвижническую деятельность, одним из составляющих элементов которой стало создание обществ трезвости среди учащихся и крестьян.

Организовывая свою ставшую впоследствии знаменитой Татевскую школу, С.А. Рачинский заметил, что пьянство детей в крестьянской среде носит систематический характер. И поддерживалось оно «безумным обычаем родителей под пьяную руку поить своих детей и забавляться ужасным зрелищем их опьянения, их бессознательным сквернословием, их подражанием пьяным безобразиям старших» (2, 33-34) С.А. Рачинский рассматривал вопрос о борьбе против алкоголизма как вопрос социальный, связанный с коренными интересами русского народа, с его духовностью и нравственностью. В пьянстве он видел причину нищеты и распущенности, царящих в крестьянском быту, и в 1889 году в журнале "Русский вестник" выступил со статьей, в которой обратился к русским людям с предложением поддержать движение за трезвость.

В те же годы в другом уезде Смоленской губернии, в Дорогобужском, в своём имении Батищево поселяется сосланный из Петербурга профессор химии А.Н. Энгельгардт. Вынужденный организовывать и вести хозяйство рядом с крестьянами, сосланный профессор внимательным образом

знакомится с особенностями их жизни и создаёт на основе своих наблюдений знаменитые письма «Из деревни». В них, наряду с прочим он касается вопроса и крестьянского пьянства.

«Вообще нужно заметить, - пишет А.Н. Энгельгардт, - что между мужиками-поселянами отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отекающими лицами, помраченным умом, трясущимися руками, между мужиками не видал. При случае мужики, бабы, девки, даже дети пьют, шпарко пьют, даже пьяные напиваются (я говорю «даже», потому что мужику много нужно, чтобы напиться пьяным - два стакана водки бабе нипочем), но это не пьяница. <...> Начитавшись в газетах о необыкновенном развитии у нас пьянства, я был удивлен тою трезвостью, которую увидел в наших деревнях. <...> Такие пьяницы, которых встречаем между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, помещиками, опившимися и опустившимися до последней степени, между крестьянами - людьми, находящимися в работе и движении на воздухе, - весьма редки, и я еще ни одного здесь такого не видал, хотя, не отрицаю, при случае крестьяне пьют шпарко. Я часто угощаю крестьян водкой, даю водки помногу, но никогда ничего худого не видел. Выпьют, повеселеют, песни запоют, иной, может, и завалится, подерутся иногда, положительно говорю, ничем не хуже, как если и мы закутим у Эрбера. Например, в зажин ржи я даю вечером жнеям по два стакана водки. <...>. Выпьют по два стакана подряд (чтобы скорей в голову ударило), закусят, запоют песни и веселые разойдутся по деревням, пошумят, конечно, полюбезнее будут с своими парнями (а у Эрбера разве не так), а на завтра опять, как роса обсохнет, на работу, как ни в чем ни бывало» (3, 32-34).

Кто же прав из этих двух уважаемых подвижников, почти в одно время оказавшихся на смоленской земле? А.Н. Энгельгардт, в соответствии со своими народническими воззрениями, вероятно, был склонен немного идеализировать смоленского крестьянина, с другой стороны он, в отличие от С.А. Рачинского, который настоящим хозяйствованием на земле не занимался, успешно вел хозяйство бок о бок с крестьянами и знал изнутри и досконально многое из того, что Рачинский наблюдал извне и поверхностно. Безусловно, что наиболее весомым аргументом в споре об отношении к алкоголю русского народа, является мнение, высказанное на этот счёт самими крестьянами. Пьянство как явление было осмыслено смоленским этносом в целом ряде фольклорных текстов, попавших в этнографический сборник В.Н. Добровольского.

Ярко выраженная отрицательная оценка пьянству содержится в лаконичном произведении притчево-морализаторского характера «От пьянства все грехи». В нём Господь предлагает спасающемуся угоднику сделать выбор между тремя грехами: съесть говядины, убить человека или напиться вина. Остановивший свой выбор на вине угодник, захмелев, и говядины наелся, и человека убил.

Столь же воинственно настроенных против алкоголизма текстов в четырёх томах этнографического сборника В.Н. Добровольского больше не

содержится. Пьянство не упоминается в качестве греха в пословицах соответствующего раздела, да и вообще каких-либо пословиц, прямо осуждающих пьянство и пьяниц, нами обнаружено не было. В один ряд с приведённой притчей можно поставить разве что предание о Петре Великом, в котором в комическом виде предстаёт перед нами злоупотребляющий спиртным мужик. Прогуливающийся по Москве царь увидел его валяющимся в луже и приказал слугам мужика переодеть и положить на царское ложе. Проснувшийся подумал, что оказался в раю; подошедший служитель, специально переодетый в белые одежды, представился ему ангелом и, по просьбе пьяницы и приказанию Петра, принёс две рюмки водки и кусок пирога. Похмелившись, пьяница попросил ещё выпить, и Пётр распорядился принести графин водки и целый пирог. Пьянице царство, в которое он попал, очень понравилось, напившись и наевшись, он лёг спать, а проснулся опять в своей одежде и в грязи (таково было распоряжение царя). Не дозвавшись «ангела» и увидев, что опять находится в канаве, мужик решил, что наказан за жадность. В предании, в отличие от предыдущей притчи, пьянство не позиционируется как безусловное зло, а лишь подвергается осмеянию.

В двух фольклорных текстах спиртное, не осуждаясь прямо, приобретает отрицательную семантическую окраску косвенным образом: в одном из них его изготавливает чёрт, а в другом ему помогает в этом жид. Оба произведения начинаются с того, что Бог просит своих помощников, святых, выяснить источник виднеющегося дымка. В первом Никола и Пётр видят занимающегося винокурением чёрта и угощаются водкой. Бог, заметив нетрезвость возвратившихся, отправляет их похмелиться, и повеселевшие святые решают устроить такую же винокурню, как у чёрта. В легенде происходит снижение и образа пристращающихся к спиртному святых («заматались святые, только что бодрятся, усы свои поглаживают»), и самого Бога, посылающего их похмелиться. Соответственно, сама водка, изображаемая как норма в заведомо идеологически чуждом топосе, теряет негативную коннотацию. Аналогичный приём лежит и в основе второй легенды, в которой посланный Богом Микола просит у чёрта и жида попробовать водки, но те требуют деньги. Микола берёт шкалик горелки в долг, обещая рассчитаться тогда, когда с ёлки и сосёнки лист посыплется. Бог, выслушав Миколу, сделал ель и сосну вечнозелёными. Как видим, Бог наказывает чёрта и жида не за то, что они гонят горелку, а за то, что они её продают, за жадность.

И, наконец, в этнографическом сборнике В.Н. Добровольского присутствуют тексты, идейно противопоставленные притче, с которой мы начали обзор. В двух из них (в произведениях из разряда легенд и преданий, раскрывающих мирозерцание смоленского этноса) в качестве центрального персонажа выступает пьяница. В полном соответствии с церковными представлениями о посмертном наказании за земные грехи в первом - он попадает в ад, где ему дают задание жарить Души трёхсот верующих. За этих трёхсот усердно молились их родные, и поэтому к

пьянице пришёл ангел с просьбой отдать ему терзаемые им души. Услышав отказ, ангел поразмыслил и принёс полуштоф горелки. Захмелевший «служащий ада» легко расстался со своими подопечными. Когда же пришли черти и просили у пьяницы, где триста душ, которые он жарил, тот уже не вязал лыка и лишь показывал на свой рот, мол, пропил. Черти же подумали, что пьяница в каких-то два часа все триста душ съел, испугались, что он такими темпами опустошит весь ад, и прогнали его. Так пьяница оказался в раю.

Мотив попадания пьяницы в рай лежит в основе и второго произведения. Но если в первом пьяница оставляет в дураках чертей, причём не проявляет при этом какой-либо изобретательности и активности (всё происходит совершенно случайно), то во втором одураченными оказываются ближайшие сподвижники Христа, что придаёт фольклорному тексту ярко выраженный антирелигиозный характер. Сначала пытающийся попасть в рай пьяница сталкивается с апостолом Петром и в ответ на его слова, что пьяницам в раю не место, напоминает апостолу, как он отрёкся от Христа. «Я же, - говорит, - хоть и пьяница, но Христа не предавал, а рюмочка попадает, я её со словами “Господи, благослови” выпиваю». Смущённый Пётр удалился и подослал Павла, которому великолепно ориентирующийся в Священном Писании пьяница напомнил, как он гнал Христа из Иерусалима и Дамаска. Не найдя, чем посрамить посланного к нему третьим Иоанна Богослова, пьяница ловит его на слове, напоминая ему слова Евангелия: «Просите и получите, стучите и отворят вам», и спрашивая, почему же ему не отворяют, хотя он уже два часа стучит. Пригрозив Иоанну, что расскажет людям о том, что в Евангелии написана неправда, пьяница добивается своего и оказывается в раю.

Образ пьяницы в этом тексте, по нашему мнению, созвучен образу Ивана-дурака народных сказок. Подобно тому, как развитие сказочного сюжета ломает привычные житейские стереотипы (живущий вопреки им главный герой неожиданно оказывается на высоте положения, а руководствующиеся в своей жизни общепринятыми нормам поведения персонажи остаются в дураках), в предании тоже происходит разрушение привычных устоявшихся представлений: пьяница оказывается, во-первых, находчивей, а во-вторых, и менее виноватым перед Богом (это касается Петра и Павла), нежели вступающие с ним в словесный поединок апостолы. Положительным является образ пьяницы и в сказочно-легендарном произведении «Фёдор Барма - пьяница». Любящего водку Фёдора похмеляет в кабаке царь, а тот за это отправляется доставать ему скипетр и державу. Проявив одиссеевскую находчивость при выполнении царского поручения, Барма привёз регалии власти и попросил в награду, чтоб во всех кабаках ему и его товарищам всегда наливали водки. В сказке «Об Иване Вадимовиче, Алексее Гадимовиче, Ставре Гадимовиче-Сам-Малолетин-Пьянице» прозвище главного положительного героя Ставра Гадимовича хоть и не получает по ходу развития сюжета никакого оправдания действиями

персонажа, всё же косвенным образом свидетельствует о позитивном отношении авторов текста к употреблению спиртного.

Таким образом, анализ фольклорных текстов этнографического сборника В.Н. Добровольского показывает, что осуждаемое и высмеиваемое в отдельных произведениях пьянство в большинстве случаев не является атрибутом положительных героев, чем получает косвенное оправдание.

Литература

1. Огурцов П.П. История формирования северного стиля потребления алкоголя в России // "Алкогольная болезнь", № 6, Москва, 2000.
2. Рачинский С.А. Сельская школа. М. Педагогика, 1991.
3. Энгельгардт А.Н. Из деревни. М., 2010.
4. Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Часть I. СПб., 1891.